

ЯН ТОМАШ ГРОСС

при участии ИРЕНА ГРУДЗИНЬСКОЙ-ГРОСС

ЗОЛОТАЯ ЖАТВА

Ян Томаш Гросс

**Золотая жатва. О том,
что происходило вокруг
истребления евреев**

«Нестор-История»

2017

УДК 94
ББК 63.3

Гросс Я.

Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев
/ Я. Гросс — «Нестор-История», 2017

ISBN 978-5-4469-1205-6

Импульсом к созданию данной книги послужила фотография, сделанная после войны на территории лагеря смерти Треблинка, где местные жители занимались поисками драгоценностей, якобы оставшихся после уничтоженных в газовых камерах евреев. Именно на периферии Холокоста заметны гиены в человеческом облике. «Золотая жатва» – не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины. Она ставит серьезные моральные и исторические проблемы. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-4469-1205-6

© Гросс Я., 2017
© Нестор-История, 2017

Содержание

Ян Грабовский	6
Введение и благодарности	8
Что мы видим на снимке	10
О потребности названия	13
О том, что у «перехвата» еврейской собственности было много сторонников	15
Снимки и документация Холокоста?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Ян Томаш Гросс, Ирена
Грудзиньская-Гросс
Золотая жатва. О том, что происходило
вокруг истребления евреев**

© Jan tomasz Gross, Irena Grudzińska-Gross, 2017

© Agencja Gazeta, фото, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

* * *

Золотой зуб, вырванный у трупа, всегда будет кровоточить...
Казимеж Выка
Жизнь для видимости

Ян Грабовский

Предисловие к польскому изданию

«Золотая жатва» – это книга об алчности, о грабежах, об убийствах и о мучениях, которые перенесли евреи. Дело происходит как бы «вокруг Холокоста» – там, где еврейские жертвы, отчаянно искавшие спасения, сталкивались с местным населением. И вот тут доходило до страшных преступлений – тем более страшных, что чаще всего они оставались без разоблачения и наказания. Очевидно, что вина за Холокост лежит на Германии. Но правда и то, что – как верно пишут авторы – единственный путь спасения для евреев проходил через контакты с местным населением. И именно тут события протекали драматично, нередко страшно и губительно. Какую-то роль во всем этом, вероятно, сыграл предвоенный антисемитизм, но насколько стереотипы и идеология замешаны в сути описываемой трагедии, настолько же главным мотивом действий оказывается жажда грабежа. Именно на периферии Холокоста заметны гиены в человеческом облике, пожирающие живых и мертвых евреев. Ибо жажда грабежа простирается и за могилу: свидетельство тому – территории лагерей смерти в Белжеце и Треблинке, тщательно перекопанные после войны сотнями сельчан, искавших среди останков жертв золотые зубы, драгоценности или колечки. «Золотая жатва» – не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины.

Как видно из текста, в какой-то момент после оккупации – трудно сказать, в какой именно, – наступил внезапный ценностный сдвиг там, где речь шла о евреях и обо всем еврейском. Это Ян Грабовский, профессор истории Холокоста в Университете Оттавы, соучредитель Польского центра исследований Холокоста. не был «точечный» процесс, касающийся каких-то конкретных «пораженных» районов или сел, но явление европейского масштаба: ведь убийства и грабежи происходили везде, где появлялись еврейские беженцы от нацизма. Просто-напросто в какой-то день или неделю, где-то летом или осенью 1942 г., внезапно стало ясно, что уже *всё можно*. Если воспользоваться химической метафорой, наступила своего рода «сублимация агрессии». Сублимация, т. е. возгонка из твердого прямо в газообразное состояние, минуя жидкое. Именно такая сублимация агрессии в отношении евреев происходила повсюду на территории оккупированной Польши. Предвоенная неприязнь к евреям, выталкивание их на границу общественной жизни или даже за эту границу – всё это внезапно перешло в физическое уничтожение или в согласие с ним. Преступления сопровождались отсутствием чувства вины. Откуда бы взяться этому чувству, если в глазах столь многих евреев перестали быть людьми, а превратились в дичь, травимую с азартом и лютостью? Цитируемый в книге Здзислав Ключковский так писал в своем «Дневнике из лет оккупации Замоищины» о ликвидации гетто в Щебрешине: «Некоторые принимали личное участие в травле и выслеживании евреев. Указывали, где скрывались евреи, молодые люди гонялись даже за маленькими еврейскими детьми, которых [польские] полицейские убивали у всех на глазах». Станислав Жеминьский из Лукова записывал по свежим следам: «В Тшебишове какие-то гражданские стражники, местные крестьяне, патрулирующие ночью от бандитских нападений, получили приказ схватить всех местных евреев и доставить их в Луков. Евреев вытаскивали, хватали в полях и лугах. Еще гремели выстрелы, а наши гиены уже искали, что украсть из оставшегося от евреев».

Масштаб этого явления поразителен: в свидетельствах уцелевших евреев и в послевоенной архивной документации (еще недавно известной лишь узкой группе специалистов) обнаруживаются тысячи и тысячи жертв, погибших «на периферии Холокоста», выданных немцам или убитых местным населением. Те, кто хотели чем-то помочь евреям, бросали вызов не только оккупантам, но и всем согражданам, для которых «неарийское население» осталось за чертой сферы взаимных обязанностей. Речь идет не только о людях темных, прими-

тивных, легко поддающихся аргументам зла. Винцент Соболевский, врач из-под Сандомира, образованный человек, столп местного общества, 29 января 1943 г. записал в своем дневнике: «Поскольку Господь Иисус дал евреям почти две тысячи лет на исправление, но увидел, что они и дальше остались при своих бреднях, то послал на них кару. Как они пролили кровь Невинного, так теперь их друзья немцы, с которыми они столько зла рассеяли по свету, теперь убивают их. Божьи жернова мелют медленно, но верно».

«Золотая жатва» – это страшная книга, но до боли правдивая и нужная.

Введение и благодарности

Фотография, послужившая толчком к написанию этой книги, впервые была опубликована в «Газете Выборчей» (*Gazeta Wyborcza*) – за 8 января 2008 г.¹ Она произвела на меня тогда огромное впечатление, и я не понимал, почему она совершенно не вызвала читательских откликов. Она принадлежала одному из жителей Волки-Округлик – местности, находящейся около Треблинки, и изображает окрестное население вокруг черепов и костей, вырытых на поле, оставленном лагерем. Когда затем, годом позже, я получил предложение от Oxford University Press написать небольшую книжку для серии, запланированной этим издательством, – эссе об одном из снимков, относящихся к той сфере, которой занимается автор, – я сразу подумал об этой фотографии. Работая над книгой, я много разговаривал на эту тему с Иреной Грудзинской-Гросс, и мы решили, что Ирена запишет свои соображения, а книгу мы выпустим вдвоем. Опирался я также на оригиналы документов, которые стали мне доступны через профессора Яна Грабовского. Мы уже опубликовали совместно два сборника документов по теме Второй мировой войны, так что наше сотрудничество было долгим. Таково происхождение «Золотой жатвы».

Что касается содержания книги, хотелось бы только отметить во введении, что читатель, интересующийся проблематикой Холокоста, не найдет в ней много новых фактов. Основные источники, на которые опирается книга, уже были опубликованы на польском языке. Я прибавил к ним материалы, обнаруженные в архивах Института Яд ва-Шем, Еврейского исторического института и Музея в Майданеке. В тексте использованы несколько фрагментов, опубликованных пару лет назад в «Страхе»². Кроме того, с момента в 2005 г. когда в Варшаве начал издаваться знаменитый ежегодник «Холокост. Исследования и материалы» (*Zagłada żydów. Studia i Materiały*) и книги авторов, связанные с этим изданием, а также с Центром исследований Холокоста Института философии и социологии Польской Академии наук, объем сведений о судьбе евреев Польши в годы оккупации значительно расширился, и в новом каноне больше нет никаких табуированных тем. Всё же я надеюсь, что если не для историков Холокоста, то для широкой общественности книга окажется интересной.

По обычаю, хотел бы вместе с моим соавтором поблагодарить друзей и университетских коллег за указания, поправки, помощь в сборе материалов, языковую правку и поощрения в написании этой книги по-польски и по-английски: Анну Биконт, Терезу Богуцкую, Габриэля Этмекцоглу, Романа и Галину Фридман, Яна Грабовского, Роберта Кувалка, Марцелла Лозинского, Скотта Мойерса, Джонатана Шелла, Алину Скибинскую, Иоанну Щенстну,

¹ Этот снимок впервые был показан широкой общественности вместе со статьей «Золотая лихорадка в Треблинке», которую написали журналисты Петр Глуховский и Мартин Ковальский (Большой Формат: Приложение к «Газете Выборчей». 2008. 8 января). Они сообщают, что обнаружили фотографию в одной из халуп в Вольке, местности около Треблинки, и что она была сделана после акции, в которой войско задерживало крестьян, перекапывающих территорию лагеря в поисках золота и драгоценностей. Задержанных крестьян называли «копателями». Сейчас снимок находится в Музее борьбы и мученичества в Треблинке. По другой правдоподобной версии, люди, изображенные на фотографии, согнаны для приведения в порядок ранее раскопанных могил. Однако трудно игнорировать информацию журналистов «Газете Выборчей», согласно которой, владелец снимка однозначно назвал изображенных на снимке «копателями, схваченными милицией». Известно также, что приведением в порядок территории Треблинки власти не занимались до 1958 г. (а снимок, без сомнения, относится ко второй половине 1940-х гг.), но даже тогда милиция и люди, занятые наведением порядка, охотно включались в поиски золота. Что касается интерпретаций, связывающих фотографию с другими обстоятельствами, например, с эксгумацией могил красноармейцев – как пытаются утверждать Михал Маевский и Павел Решка, авторы статьи «Загадка старого снимка» (Речь Посполитая. 2011. 22–23 января; в приложении «Плюс-Минус» от того же дня статья тех же авторов «Тайна старой фотографии»), – то они не подкреплены никакими вещественными доказательствами.

² Gross J. T. Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków: Znak, 2008. (Гросс Я. Т. Страх. Антисемитизм в Польше сразу после войны. История морального упадка. Краков: Знак, 2008).

Иоанну Токарскую-Бакир, Войцеха Волинского, а также Мацея Габлянковского, редактора издательства «Знак», который подготовил эту книгу к печати.

Принстон – Нью-Йорк, 1 ноября 2010 г.

Что мы видим на снимке

На первый взгляд, картина на фотографии кажется хорошо знакомой: крестьяне во время жатвы отдыхают от работы. Орудия на плечах или поставленные на торец служат им опорой, а перед группой, запечатленной на снимке, лежат сложенные на землю плоды.

У многих из нас такие снимки остаются в альбомах после летних каникул, проведенных в деревне у близких или дальних родственников; другие привезли их из харцерского (пионерского) лагеря в глубокой провинции, где они помогали на сенокосе. Каждый год летом на первых страницах газет в коммунистических странах такими снимками отмечались успехи коллективного хозяйства. Более или менее художественно выполненные варианты таких сцен можно было увидеть в музеях и картинных галереях.

И однако, несмотря на буколическую картину (группа мужчин и женщин, занятых разговорами на лоне природы), фотография вызывает тревогу. Не только потому, что она нерезкая или что рядом с гражданскими лицами стоят люди в форме. То, что мы видим, – знакомое, и вместе с тем какое-то чужое. Если бы, например, вместо хвойных деревьев на заднем плане были пальмы, можно было бы подумать, на худой конец, что снимок сделан в пустыне. А когда под конец мы видим, что плоды, сложенные у ног сфотографированной группы, – ни более ни менее как человеческие черепа и кости – мы чувствуем себя еще более растерянными. Кто эти женщины и мужчины на снимке и чем они занимаются? Откуда это фото?

Сделанный вскоре после окончания Второй мировой войны, в середине XX в., снимок представляет групповую сцену где-то в центре Европы. На фотографии рядом с группой мазовецких крестьян увековечен холм из праха 800 тыс. евреев, убитых в газовых камерах или сожженных в Треблинке с июля 1942 по октябрь 1943 г. Европейцы, которых мы видим на снимке, по-видимому, занимались раскапыванием человеческих останков в поисках золота и драгоценностей, которые проглядели нацистские убийцы: это кропотливое занятие, так как, по рассказам палачей, они скрупулезно заглядывали еврейским трупам во все отверстия тела и вырывали золотые зубы.

© Agencja Gazeta, Музей борьбы и мученичества в Трелинке (отдел регионального музея в Седльце)

Зрелище, кажущееся таким мирным, касается двух центральных тем Холокоста: массового убийства евреев и сопутствующего грабежа еврейского имущества. Что оба явления были между собой неразрывно связаны – об этом достаточно свидетельствуют разговоры в *anais mundi*, в газовой камере Освенцима, между заключенным Филиппом Мюллером, для которого это был первый день работы по обработке и уничтожению трупов, и эсэсовским надзирателем.

После того как транспорт словацких евреев весной 1942 г. был отправлен в газовую камеру, заключенные из зондеркоманды, обслуживавшей крематорий, получили приказ снять одежду с убитых.

Передо мной лежал труп женщины. Весь дрожа, трясущимися руками я начал снимать с нее чулки. Впервые в жизни я прикоснулся к покойнику. Тело было еще теплым. Чулок, который я стягивал с ноги, порвался. [Эсэсовец] Штарк, наблюдавший за этим, ударил меня с криком: «Что ты творишь, смотри, что делаешь, эти вещи еще можно использовать»³.

Первый комендант лагеря смерти в Собиборе, а позже в Трелинке, Франц Штангль, на вопрос американской журналистки Гиты Серень: «Как вы в то время думали, что было причиной уничтожения евреев?» – ответил: «Хотели забрать их деньги. Понимаете ли вы, какие фантастические суммы входили в игру?» Ведь прибыльность всего предприятия не была безразлична для тех, кто его осуществлял. Глава СС и полиции в Люблине Одило Глобочник, руководивший операцией «Рейнхард» (секретное название в честь убитого чешскими подпольщиками обер-полицмейстера Рейнхарда Гейндриха, именем которого была названа инициатива по истреблению всех евреев в Генерал-губернаторстве⁴), вызвал Штангля в середине авгу-

³ Müller F. Eyewitness Auschwitz. three Years in the Gas Chambers / tłum. z niem. I. R. Dee, S. Flatau Chicago: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1999. P. 12.

⁴ То есть Варшавское генерал-губернаторство – часть Польши, не включенная непосредственно в состав Германии после сентября 1939 г. – Прим. перев.

ста 1942 г. и дал ему следующую инструкцию: «Поедешь в Треблинку. Мы туда отправили уже сто тысяч евреев, а еще не получили ни вещей никаких, ни денег. Хочу знать, в чем дело...»⁵

Штангль очень хорошо справился с поручением, и вскоре из Треблинки начали уходить транспорты с вещами убитых евреев. Кроме бижутерии, драгоценностей и денег в разных валютах, из лагеря было отправлено «всего более тысячи вагонов, груженных вещами убитых. Экспедиционная отправка вагонов происходила на станции Треблинка после того, как армейские уполномоченные получали от эсэсовцев сопроводительные листы»⁶.

Эти вагоны должны были отправлять польские железнодорожники, удостоверившись, что их содержимое соответствует описи. Поэтому сведения Франтишека Зомбецкого, дежурного по движению на станции Треблинка, чрезвычайно детальны:

В вагоны были погружены мужские пальто, связанные по несколько штук, отдельные мужские костюмы, пиджаки, белье, отдельно детская одежда и дамские костюмы, платья, блузки, свитера старые и новые, шляпы, шапки, отдельно мужские сапоги с голенищами, полусапожки мужские, дамские и детские. Белье мужское, дамское, детское, отдельно – использованное и новое, даже подушки и конверты для младенцев. <...> В сумки сложены карандаши, авторучки и очки; трости и зонтики связаны в отдельные пачки. Целые сумки также наполнялись катушками ниток всех сортов и цветов. Отдельно связали куски кожи для обуви, твердой кожи для подметок, материалы для одежды, портфели. В картонные коробки упаковали приборы для бритья, бритвы, ножики, машинки для стрижки, зеркальца, даже кастрюли всякого рода, тазы, столярные инструменты, пилы, рубанки, молотки, в общем – всё то, что могла привезти в лагерь толпа в несколько сот тысяч людей <...>. В вагонах высылались также масса волос после стрижки женщин. Груз этих вагонов определялся как военная пересылка: *Gut der Waffen SS*. Вагоны направлялись в Германию, а иногда на адрес «трудового лагеря СС» в Люблине⁷.

Именно там находилась штаб-квартира Глобчника и штаб операции «Рейнхард».

Сам Глобчник относился к своей роли стража награбленного еврейского имущества, как лис – к охране курятника. Пост шефа полиции в люблинском округе Генерал-губернаторства был для него вторым шансом на карьеру в нацистской иерархии, после того как его выгнали из штата венского гаулейтера... за коррупцию. Молниеносное разграбление венских евреев сразу же после аншлюса Австрии было первой мастерски проведенной акцией «аризации», т. е. захвата еврейского имущества, в которой показал свои способности Адольф Эйхман, а первым помощником его был – как видим, чуть-чуть излишне в собственных интересах – Глобчник. Пару лет спустя оба войдут в число виднейших исполнителей «окончательного решения еврейского вопроса». Генрих Гиммлер, шеф полиции и СС в Третьем Рейхе, питал к Глобчнику особую слабость. «Дорогой Глобус, – писал он, допуская уменьшительное обращение в официальной переписке, – получил твое письмо от 4 ноября 1943 г. с рапортом о завершении операции “Рейнхард”...»⁸

⁵ Цит. по: *Sereny G. Into that Darkness. From Mercy Killing to Mass Murder*. new York – St. Louis – San Francisco: McGraw Hill Book Company, 1974. P. 101, 133.

⁶ *Zqbecki F. Wspomnienia dawne i nowe*. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1977. S. 73.

⁷ *Ibid.* S. 72.

⁸ *Blatt T. Sobibor. the Forgotten Revolt. A Survivor's Report*. Issacuah WA, H.E.P., 1998. P. 92.

О потребности называния

Целью этой операции, как мы уже говорили, было уничтожение всех евреев в Генерал-губернаторстве. Как назвать такой замысел? Мы принадлежим к поколению, не видевшему Холокоста собственными глазами, и можем получить знание о нем (притом никогда не окончательное) лишь посредством слов. Но трудно найти такие слова. У погибших голоса нет, а те, что выжили, самым своим свидетельством заключены в молчание. Зрелище насилия, жертвами которого они были в концлагерях, во время попыток скрыться, голода, пыток, разрушало человеческий контакт с реальным миром. Их свидетельство в немалой мере невыразительно, так как боль и физическое насилие разрушают язык, отбрасывая человека в доязыковое состояние⁹.

Но травма – состояние после боли – остается и требует выражения. Ибо то, что **страшно**, страшит до тех пор, пока у него нет настоящего названия. Когда оно получает имя, то отдаляется от нас, уплывает, перестает быть нашим кровным делом, не точит нас так, как точило до наречения имени, потому что вновь обретает контакт с реальностью.

То, что нацисты сделали с евреями, было неопишимо, – писал Теодор Адорно в *Minima Moralia*, – но все-таки должно найти выражение, если жертв, которых и так слишком много, не хотят отдать проклятию забвения. В английском языке используется понятие «геноцид»¹⁰. Но по определению, записанному в Международной декларации прав человека, невыразимое осталось – во имя протеста – ополовиненным. Повышения до ранга понятия удостоена лишь возможность: институт, находящийся под запретом, отвергаемый, оспариваемый¹¹.

Адорно здесь говорит о потребности и последствиях называния в публичном, институциональном языке: преступление требует своего параграфа, хоть этот параграф никак не делает его «нормой». Пауль Целан также часто требовал названия, говоря, что название заново определяет случившееся. В публичном – не институциональном – языке, в статьях и рассуждениях историков, в дискуссиях публицистов **страшные** вещи обозначаются эвфемизмами, которые, если повторить вслед за Иоанной Токарской-Бакир, исполняют роль уникальных понятий.

В частной жизни мы тоже не можем вот так просто говорить о **народоубийстве**. Когда мы сталкиваемся с описаниями истреблений из давнего или недавнего прошлого, а тем более из современности, первая наша реакция – отторжение. Память хранит сведения об этих событиях в каких-нибудь дальних закутках, а на первый план выходит другая история – история человеческого героизма и солидарности. Вести о Холокосте напоминают нам не только о смерти, но и о людском зверстве. А зверство окружено многими кругами запретов. Это одна из причин, из-за которых постоянно всплывает тема невыразимости Холокоста: речь о нем – никогда не прямая, но всегда как-нибудь не так сформулированная. Эта тема так горяча, что одно прикосновение к ней уже обжигает.

На первый взгляд, снимок из Треблинки не касается того, о чем мы сейчас говорим. Как уже упоминалось, сцена похожа на иконографию жатвы: окончание работ, еще не праздник урожая, но уже отдых. Белые платки на головах женщин, белые рубашки мужчин, солнечный свет, земля словно вспахана. Но это только на первый взгляд.

⁹ Scarry E. *The Body in Pain. The Making and Unmaking of the World*. Oxford: Oxford University Press, 1985.

¹⁰ Этот термин – «геноцид» – был создан польским юристом еврейского происхождения Рафалом Лемкиным (1900–1959), потерявшим в годы войны большую часть своей семьи. Его стараниями Генеральная ассамблея ООН приняла в декабре 1948 г. Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений геноцида.

¹¹ Adorno T. W. *Minima Moralia. Refleksje z poharatanego życia* / tłum. M. Łukaszewicz. Kraków: Wyd. Literackie, 1999. S. 303.

Хороший снимок, по словам Сюзан Зонтаг, обладает силой максимы, цитаты или пословицы¹². Он схватывает реальность и предъявляет ее нам. В этом смысле снимок из Треблинки нехорош, так как его значение нелегко понять. Его нужно разгадывать и интерпретировать. Главное – кости и черепа – хоть и на первом плане, но как бы скрыто, неясно. Непонятны и скрытые мысли, чувства людей, собравшихся вокруг этих костей. Мы не знаем, кто был автор этого кадра и с какой целью он снимал. Судя по качеству снимка, он не был профессиональным фотографом – что, впрочем, прибавляет снимку подлинности: мы видим в нем документ. Судя по мундирам и видам оружия, это сороковые годы. От закрытия лагеря смерти прошло уже довольно много времени: черепа и кости чистые.

Ситуация на снимке наполовину официальна: крестьян (вероятно, это жители окрестностей Треблинки) окружают вооруженные солдаты или милиционеры, но между обеими группами не видно напряжения или конфликта. Люди в форме стоят близко к гражданским, хотя и не смешиваются с ними. Люди заняты тем, что позируют, меняются местами с соседями, заканчивают какой-то разговор. Не видно напряжения и в их отношении к черепам и костям, аккуратно разложенным перед сидящими. Никто на них не смотрит. Что-то происходит в центре группы: больше людей глядит в ту сторону, чем на фотографа. Может быть, там еще не были готовы, еще не организовались («подвинься?»). Каждым своим жестом (и словом) они подтверждают нормальность своего положения: расстановка, разговор. Эту сцену должен был сопровождать немалый гвалт (и кладбищенский запах). Вот, собрались после рабочего дня, после успешных трудов, расселись для фотографии. Достаточно спокойны. Устали.

Вопреки нынешним обычаям, никто не улыбается в объектив. Все серьезные, недоверчивые. Наверняка до сих пор их нечасто снимали; может быть, их беспокоит, что будет дальше с этой фотографией? Может быть, это улика их присутствия на месте осквернения кладбища? Однако они естественным образом встали в полукруг, как на традиционных групповых снимках – например, после сборов. Эти крестьяне из ближней округи, скорее всего, были пойманы с поличным при перекапывании земли в поисках еврейского золота и драгоценностей, либо их пригнали, чтобы выровнять грунт после тех, кто копал раньше. Если представить себе эту фотографию опубликованной в коммунистической прессе, подпись гласила бы: «После работы».

¹² Sontag S. Regarding the Pain of Others. new York: FSG, 2003. P. 22.

О том, что у «перехвата» еврейской собственности было много сторонников

Явление, о котором напоминает наш снимок, – грабеж еврейского имущества – начинается в Европе, оккупированной нацистами, задолго до уничтожения евреев. В целом связь евреев с деньгами, с золотом – это, наряду с образом еврея-богоубийцы, самое частое антисемитское клише. У обоих признаков есть общий «троп» – еврея-кровопийцы. В переносном смысле это также «еврей-эксплуататор», как и «еврей – ритуальный убийца» невинных христианских младенцев. Помимо разных вариантов темы еврейских заговоров – например, что евреи кому-то «всадили нож в спину» или превратились в рассадник большевизма, – антисемитская пропаганда издавна использовала штамп «еврейского экономического засилья» (как и захвата правительств, которые, по представлениям антисемитов, были осаждены евреями), чтобы освободиться от еврейской «неволи»¹³.

Грабеж еврейского имущества затронул германских, чешских и австрийских евреев, подвергшихся так называемой «аризации» еще до того, как Гитлер развязал войну. Как пишет историк об этом аспекте политики национал-социалистов, «это был один из крупнейших трансфертов собственности в наше время»¹⁴.

Экспроприация происходила двумя путями: с помощью юридических актов об изъятии собственности евреев (аризация в прямом значении слова) и через манипуляцию зарплатами, налогами и курсами обмена валют в контексте политики вынужденной эмиграции, объектом которой было еврейское население в Третьем Рейхе. Одним из самых последовательных бюрократов в этой сфере стал Адольф Эйхман. И именно с помощью опыта, полученного в этой сфере, позже была организована чрезвычайно эффективная система отправки евреев в лагеря смерти.

Правила, целью которых было ограбление эмигрантов, ужесточались со временем. К примеру, те, кто решил эмигрировать еще до начала войны (для многих евреев сигналом к выезду стала «Хрустальная ночь» в ноябре 1938 г.), могли забрать с собой лишь очень небольшую часть – всего лишь несколько процентов – имущества, накопленного поколениями предков.

Из этого извлекали выгоду не только конкретные лица, к которым переходил титул собственника, но и административный аппарат НСДАП, для которого аризация создала, помимо всего прочего, возможность материально обеспечить верных товарищей по партии. Пользуясь выпавшим случаем, гауляйтеры позаботились о состоянии партийной кассы и лояльности широкого круга чиновников, банкиров и юристов, которым поручалось посредничество в соблюдении формальностей. По наблюдению историка экономики, наблюдавшего это явление в Гамбурге, «хотя национал-социалистское государство получало большую часть выгоды от процесса “аризации”, но никакой другой аспект антиеврейской политики нацистов не привлекал столько людей, которые вдобавок получали от этого личную выгоду». Это можно сказать и обо всем пространстве оккупированной Европы¹⁵.

Аспект «аризации», связанный непосредственно с темой нашего снимка, – конфискация благородных металлов, которыми располагали евреи. На эту тему была издана целая серия распоряжений, и в итоге в марте 1939 г. был объявлен принудительный выкуп через государствен-

¹³ Фальшивка о том, как евреи пытаются овладеть миром. См., напр.: *Segel B. W. A Lie and a Libel. the History of the Protocols of the Elders of Zion*. Lincoln – London: University of nebraska Press, 1995.

¹⁴ *Bajohr F. the Beneficiaries of “Aryanization”*. Hamburg as a Case Study // *Yad Vashem Studies*. 1998. n 26. P. 173.

¹⁵ *Ibid.* P. 201.

ные конторы всего золота, серебра и платины, находившихся во владении евреев¹⁶. Оценка сдаваемых вещей была еще одним поводом обобрать евреев.

Помимо того, что благородные металлы использовались как средство платежа для зарубежных закупок (немецкие марки в то время не принимались), они были необходимы и как сырье в некоторых важных секторах военной промышленности. В течение всей войны немцы не испытывали недостатка в этих материалах. Почти всё золото Рейхсбанка происходило из запасов награбленного, хранившихся в государственных банках оккупированных стран. «“Только” около 15 % запасов происходило от грабежа частных лиц или фирм»¹⁷.

Ценности, изъятые у жертв, отправленных в концлагеря во время войны, доставил в Рейхсбанк «гауптштурмфюрер СС Бруно Мельмер в 76 транспортах начиная с августа 1942 и до конца 1944 года. В них входили ценные предметы, а также зубопротезный материал, отнятый у депортированных или снятый с трупов убитых». Документация этих операций далеко не полна, но можно установить, что Рейхсбанк, регулируя свои отношения со швейцарскими кредиторами, использовал для этого и золото из транспортов Мельмера¹⁸.

Но так называемое «золото Мельмера» – это лишь часть ценностей, награбленных у евреев. 6 августа 1941 г. немецкие власти наложили контрибуцию в размере полумиллиона марок на всех евреев, принудив их таким образом внести в Литовский Банк 2400 предметов из драгоценных металлов общим весом 10 449 кг. Например, в июле 1942 г., «еще прежде чем Мельмер начал свою деятельность, СС рапортовало из Варшавы Генриху Гиммлеру, что уже две тонны золота, добытого в городе и окрестностях, были отправлены в Люблин [где, как мы помним, находился главный штаб операции “Рейнхард” под руководством Глобочника. – Я. Г.], и что еще 629 килограммов собрано»¹⁹. В этом отношении Варшава и Вильнюс никак не были исключением.

Ценности, награбленные в лагерях смерти, были запятнаны в прямом и переносном смысле. Практикантка на заводе по литью благородных металлов в Рейникендорфе много лет спустя вспоминала присылаемые в переплавку зубные коронки и мосты, иногда даже с зубами, оправленными в металл. «<...> Особенно угнетало то, что всё там выглядело, словно только что выломанное из челюсти. Зубы, иногда даже со следами крови и кусочками десен...»²⁰ В придачу к тому, что «еврейское золото» было в каком-то кошмарном симбиозе со смертью, добавим, что предприятие, обладавшее правительственной концессией в Третьем Рейхе на переплавку, обработку и вывоз за границу так называемых «еврейских металлов», – «Дегусса» – владело также патентом на производство «прусской кислоты», или «Циклона Б», использовавшегося для уничтожения почти миллиона евреев в газовых камерах Освенцима.

Навязчивые антисемитские бредни Гитлера не сводились только к стремлению захватить еврейскую собственность, хотя, надо признать, он и этим не брезговал. Вот один из примеров. Когда один из артистов, которому Гитлер оказывал протекцию, весной 1942 г. был поставлен во главе Мюнхенской оперы, начальник канцелярии НСДАП Мартин Борман направил бургомистру этого города письмо: «Сегодня я проинформировал фюрера о письме, которое получил от директора Крауса. Фюрер хотел бы, чтобы вы еще раз выяснили, не осталось ли каких-нибудь еще еврейских имуществ, которые пригодились бы для новых работников баварской

¹⁶ В Германии евреям было разрешено оставить себе только обручальные кольца, одни серебряные часы, зубные протезы из благородных металлов и два комплекта уже использованных столовых приборов – по одному ножу, вилке, суповой ложке и десертной ложечке на одну персону. См.: *Hayes P. From Cooperation to Complicity. Degussa in the third Reich.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 159.

¹⁷ Ibid. P. 169, 175, 188.

¹⁸ Ibid. P. 181, 183.

¹⁹ *McQueen M. the Conversion of Looted Jewish Assets to Run the German War Machine // Holocaust and Genocide Studies.* 2004. Wiosna. P. 30; *Hayes P. From Cooperation...* P. 193.

²⁰ *Fielder E., Merz O. Zeugen des Grauens. teil 2: Der SS-Buchhalter Melmer // television ARD. Report.* 1998. 12.10. Цит. по: *Hayes P. From Cooperation...* P. 193.

национальной филармонии»²¹. В свою очередь Альфред Розенберг, который в качестве главы «Операционного штаба Розенберга» (Einsatzstab Rosenberg) надзирал за разграблением еврейской собственности в оккупированной Европе, писал Гитлеру в апреле 1943 г.:

Мой фюрер, вместе с пожеланием счастья ко дню рождения позволю себе прислать альбом со снимками некоторых самых ценных картин из бесхозного еврейского имущества, которое охраняют мои команды в оккупированных западных странах. Этот альбом поможет вам в какой-то мере представить себе необычайную ценность и количество произведений искусства, добытых моим учреждением во Франции и отосланных в целости и сохранности в Рейх²².

Однако идеологическая версия нацистского антисемитизма была поднята до наивысшей ступени взгляда на историю как на цепь заговоров и презрения к эксплуататорам, корни которого уходят в социал-дарвинизм. А когда нормы, обеспечивавшие равноправие, были разрушены, то практика государственных учреждений, созданных для дискриминации, постепенного ограбления и вытеснения евреев со своих позиций открыла путь социального продвижения и материальной выгоды для остального населения. Таким путем государственный антисемитизм становится автономным – в форме разнообразных шансов для улучшения бытовых условий всех, кто не еврей.

Этот опыт выглядит неодинаковым для Третьего Рейха и для оккупированных либо зависимых от Германии стран. По-своему обстояло дело в Польше, по-своему – во Франции, Венгрии или Греции, но местные общества с удовлетворением воспринимали общие признаки механизма «перехвата» (*przewłaszczenie*)²³ и перераспределения еврейской собственности в пользу арийцев.

В странах оккупированной Европы мы имеем дело, с одной стороны, с эксплуатацией и притеснением захваченной страны в целом, а с другой – с различиями во внутренней политике, со всеобщей и полной дискриминацией евреев, плодами которой пользовалась в большей или меньшей мере остальная часть общества – «широкие слои» или «большая часть», по выражению Яна Карского²⁴. В Германии, пишет Саул Фридлендер, «в течение двенадцати лет существования Третьего Рейха основой антиеврейской кампании был грабеж еврейского имущества. Это был самый легко понятный и легко приемлемый элемент, лучше будет – оправданный, если нужно, с помощью простейших идеологических аргументов»²⁵.

Ведь европейское общественное мнение готово было согласиться с дискриминацией евреев. Не говоря уже о самой гитлеровской Германии, например, во Франции половина политических формирований перед войной выдвигала антисемитские лозунги. В предвоенной Польше, Румынии или Венгрии политический антисемитизм был распространен еще больше. А если дополнить эту картину антисемитизмом христианских костелов и церквей, вспомнить об их огромном общественном авторитете, то трудно удивляться, что устранение евреев из экономической жизни воспринималось как элитами, так и широкой общественностью во всей Европе с удовлетворением.

²¹ Friedländer S. Czas eksterminacji. nazistowskie niemcy i żydzi, 1939–1945 / tłum. S. Kupisz, K. Masłowski, A. M. Nowak. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2010. S. 439.

²² Ibid. S. 551.

²³ Профессор Ян Грабовский – автор этого удачного неологизма.

²⁴ «Решение немцами еврейского вопроса – могу это утверждать с полной ответственностью за свои слова, – писал Ян Карский, – было важным и весьма опасным оружием немцев для морального умиротворения широких слоев польского общества. <...> ...Этот вопрос, однако, создает нечто вроде узкого мостика, на котором единодушно [выделено автором. – Я. Г.] сходились немцы и немалая часть польского общества». Полный текст отчета Яна Карского, написанного во время курьерской миссии на рубеже 1939 и 1940 гг., читатель может найти в журнале «Говорят Века» (*Mówią Wieki*) от ноября 1992 г. или в «Новейших Делах» (*Dzieje najnowsze*. 1989. n 2. S. 179–200).

²⁵ Friedländer S. Czas eksterminacji. S. 567.

Завоевать положение в обществе и благосостояние собственными усилиями – очень трудно и долго. Гораздо легче просто отнять добро, уже накопленное другими – под прикрытием закона, оправдывающего такие действия.

Снимки и документация Холокоста?

О фотографии обычно говорят, что как аргумент она стоит тысяч слов. В то же время сведения, которые она нам дает, совершенно уникальны: она фиксирует долю секунды между открытием и закрытием заслонки объектива. Что же в таком случае позволяет оценить единичное событие как способ заглянуть в суть дела? Поступая так, становимся ли мы жертвами иллюзии или совершаем злоупотребление? Ведь попросту, когда мы смотрим на снимок – например Гитлера, принимающего парад членов партии на съезде в Нюрнберге, – мы понимаем, что получаем *общее* знание о природе национал-социализма; и то же происходит, когда мы видим фотографию раздетых догола людей, которых расстреливают эсэсовцы.

В основе такого познавательного механизма лежат уже ранее полученные сведения о мире, подсказывающие, что единичная ситуация коренится в широком потоке событий и что эти события подчиняются какому-либо порядку. Жизненный опыт убеждает, что всё происходящее обычно имеет какой-либо смысл и что общественная жизнь, о которой идет речь, не есть цепь случайных и независимых друг от друга событий, вроде серии счастливых лотерейных билетов, вынутых подряд из шапки. Между тем, что случилось чуть раньше, и тем, что следовало за ним, существует некая связь. А потому, кроме единичного события, служащего исходным пунктом рассуждений историка, только некоторые события могли произойти на интересующем нас участке пространства и времени, а другие – скорее всего, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.